

Кумскова Светлана Николаевна

РЕЛИГИОЗНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРАВА

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия и взаимовлияния права и религии, в частности вопрос формирования правосознания под влиянием религии, обосновываются методологические подходы к пониманию права, не связанные исключительно с его эффективностью, доказывается гипотеза о наличии общих элементов права и религии, о возможности религиозного измерения права. Автор также анализирует сложившиеся исторические и современные подходы к пониманию взаимовлияния и пересечения права и религии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. II. С. 85-88. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ибо действующее законодательство нивелирует положение обоих видов унитарных предприятий с точки зрения механизма финансирования их деятельности.

Сказанное позволяет, на наш взгляд, сделать однозначный вывод о том, что закрепленная в действующем законодательстве дифференциация видов унитарных предприятий не имеет под собой объективных предпосылок. Единство стоящих перед государством в социально-экономической сфере задач обуславливает единство опосредующих их реализацию правовых форм. Появление унитарных предприятий на праве хозяйственного ведения было оправдано лишь в условиях сохранения государственной собственности на средства производства, ибо имело своей целью активизацию экономической активности государственных организаций. В настоящее время эта задача успешно решается на базе частной собственности; сохранение же унитарных предприятий на праве хозяйственного ведения в силу их слабых управленческих связей препятствует созданию эффективной системы управления государственной собственностью в Российской Федерации [5, с. 47]. Статус же казенных предприятий требует определенной модификации, ибо в существующем виде он исключает возможность решения публичных задач в сферах социально-экономической деятельности, не связанных с извлечением прибыли.

Список литературы

1. Гаджиев Г. А. Основные экономические права: сравнительное исследование конституционно-правовых институтов России и зарубежных государств: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1996. 50 с.
2. **Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)**: Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (с изменениями и дополнениями, внесенными Федеральным законом от 30.11.2011 г. № 363-ФЗ) // Собрание законодательства РФ (СЗРФ). 1994. № 32. Ст. 3301; № 49. Ч. 1. Ст. 7041.
3. **Комягин Д. Л.** Вопросы участия государственной казны в гражданском обороте // Право и экономика. 1999. № 3. С. 29-32.
4. **Мазаев В. Д.** Публичная собственность в России: конституционные основы. М.: Городец, 2004. 384 с.
5. **Малыхина М. Н.** Проблемы корпоративной собственности в законодательстве Российской Федерации. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2004. 149 с.
6. **Петров Д. В.** Право хозяйственного ведения и оперативного управления. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. 361 с.
7. **Ровный В. В.** Государственные и муниципальные унитарные предприятия: ключевые положения одноименного закона и доктрины // Сибирский юридический вестник. 2003. № 4. С. 46-49.

STATE AND MUNICIPAL PROPERTY RIGHT INDIRECT EXERCISE LEGAL FORMS

Anna Anatol'evna Kulikova

Department of State and Law Theory

South-Russian State University of Economics and Service

Vanurkina@yandex.ru

The author considers the legal forms of the indirect exercise of state and municipal property right, pays special attention to the differentiation of unitary enterprises types, concludes that the differentiation of unitary enterprises types allocated in current legislation is devoid of objective preconditions, and substantiates that the status of state-owned enterprises requires certain modifications for public problems solution in social-economic activity which is not connected with profit deriving.

Key words and phrases: public property; indirect exercise of property right; state-owned enterprise; unitary enterprise.

УДК 1(091)

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия и взаимовлияния права и религии, в частности вопрос формирования правосознания под влиянием религии, обосновываются методологические подходы к пониманию права, не связанные исключительно с его эффективностью, доказываемая гипотеза о наличии общих элементов права и религии, о возможности религиозного измерения права. Автор также анализирует сложившиеся исторические и современные подходы к пониманию взаимовлияния и пересечения права и религии.

Ключевые слова и фразы: право; религия; история права; православие; церковное право; естественное право; позитивное право; мораль; нравственность.

Светлана Николаевна Кумскова, к. филос. н., доцент

Кафедра конституционного и административного права

Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета

S.kumskova@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРАВА[©]

Российские события двух последних десятилетий со всей очевидностью свидетельствуют о расширении сотрудничества государства и церкви. Последнее проявляется не только в строительстве храмов, открытии

монастырей, встречах и переговорах иерархов церкви и государственных руководителей. Разнообразные аспекты взаимодействия церкви и государства стали предметом научных исследований. Появились многочисленные публикации, анализирующие роль церкви в светском российском государстве. Актуальность таких работ не вызывает сомнения. Более того, возникает, на наш взгляд, потребность расширить область исследований, обратившись к проблеме религиозного измерения не только государства, но и права.

Мы можем назвать имена европейских учёных, в той или иной мере исследующих в своих работах названную проблему. В 1999 году на русский язык была переведён труд Гарольда Дж. Бермана «Вера и закон: примирение права и религии» [4]. Он, в частности, пишет: «...интерпретируя действующую юридическую норму, невозможно избежать трактовки её как одновременно “сущего” (она действует, она имеет силу) и “должного” (у неё есть моральная цель, *telos*)» [Там же, с. 289]. По его мнению, религия придаёт праву сакральность. Рассуждая о способах сокращения преступности, автор подчёркивает: «Без сакральности принуждение не будет эффективно, поскольку органы принуждения сами будут коррумпированы. Эта сакральность и есть религиозное измерение права» [Там же, с. 288]. По сути, эту мысль Г. Дж. Берман выразил и в известном труде «Западная традиция права: эпоха формирования», изданном в России годом раньше [5]. Заслуживает внимания серьёзное исследование Денниса Ллойда «Идея права», значительную часть которого он посвящает анализу различных аспектов «...вечной проблемы: как право, созданное человеком (“позитивное право”) соотносится с системой ценностей, придающих смысл и цель человеческой жизни и наделяющих её именно теми качествами, которые отличают род людской от других живых существ» [12, с. 80].

В отечественной науке проблема религиозного измерения права тесно связана с исследованиями места церковного права в системе российского права и российской правовой традиции в целом. Из дореволюционных работ назовём труды К. К. Арсеньева, И. С. Бердникова, В. Кипарисова [2; 3; 10]. В советское время писать на эту тему было просто опасно. В последние два десятилетия стали издаваться монографии, появились диссертационные исследования, публикации в периодических изданиях, свидетельствующие о возрастании интереса ко всем аспектам взаимодействия и взаимовлияния права и религии [7-9; 13; 14]. Как справедливо подчёркивает профессор Д. А. Пашенцев, «...Осталось позади то время, когда учёные безоговорочно отделяли право от религии, чётко разграничивали правовую и религиозную сферы. Сегодня становится всё более очевидным, что между правом и религией существует сложная диалектическая взаимосвязь, взаимозависимость. В центре данного процесса находится человек как субъект права» [13, с. 170].

Диалектическая связь и взаимозависимость позволяют выдвинуть гипотезу о наличии неких общих элементов права и религии, об ошибочности радикального отделения указанных институтов друг от друга. Гипотеза подтверждается подходом к праву на ранних этапах человеческой истории. Право рассматривалось как нечто святое, имеющее божественное происхождение. Десять Заповедей, ставших законами для еврейского народа, реальное тому подтверждение. Земные законодатели считались помазанниками Божьими, поэтому исходившие от них законы наделялись божественной аурой. В тех исторических условиях люди были убеждены, что источником права является религия, отсюда священный авторитет права и вера в моральный долг повиноваться закону. Господствовало всеобщее убеждение, что если даже преступник избежит наказания со стороны власти, его всё равно настигнет божья кара. На наш взгляд, особенно ярко такой подход к праву проявился в иудейской правовой мысли. Иудейские пророки проповедовали Божественные заповеди (иначе – законы), обязательные для исполнения как простыми людьми, так и правителями. В книгах Ветхого Завета содержатся истории о наказании целых народов, нарушивших эти законы [6, с. 5-997]. 15 книг пророков, содержащихся в Ветхом Завете, утверждают идею о божественном происхождении верховенства морального закона во вселенной. «Требования этого закона, - пишет Д. Ллойд, - основывались не на указаниях правителей и священников, но на провидении и интуиции боговдохновенных личностей, через которых Всевышний сообщал свои божественные откровения всему человечеству» [12, с. 123]. Отсюда следует очень важный вывод: «Уже сам такой способ провозглашения моральных законов Богом достаточно ясно показывал, что законы, издаваемые земными правителями, могли противоречить, а зачастую и действительно противоречили божественным заповедям, которые Всевышний установил для управления людьми. Этим также доказывалось, что создаваемые человеком законы не могут по силе своего воздействия соперничать с божественными, которые правителям не дано ни провозглашать, ни толковать» [Там же, с. 54]. Иначе говоря, человек всегда стоит перед моральной дилеммой: авторитет власти и моральная сила правовой системы, созданной человеком, может вступать в противоречие с той самой моралью, на которой и держится весь её авторитет.

В противовес подобным воззрениям древнегреческая политическая мысль стремится к рациональному объяснению связи религии с правом. Исходный посыл таков: физический и моральный порядок в мире основываются на разуме, человеческий разум есть часть рациональной вселенной, следовательно, может понять и объяснить её. Этот взгляд на мир господствует в наше время. Как пишет Д. Ллойд, «Греки не ставили знака равенства между законом Всевышнего и человеческими законами по древнеиудейскому образцу, но и не утверждали, что существование или действительность законов, созданных человеком, находились под контролем и влиянием высшего закона разума» [Там же, с. 57]. Человеческие законы, независимо от того, были ли они обязаны своим происхождением Богу, обладают самостоятельностью. В то же время Вселенная, обладая идеальным разумом, может быть критерием при оценке моральных принципов человеческих законов.

Несмотря на разный подход при объяснении взаимосвязи права и религии, взгляды древних греков и иудеев имеют одну общую черту. И те, и другие считали возможным конфликт между обязательствами, налагаемыми человеческим законом, и требованиями нравственного закона. Иудеи в случае конфликта

игнорируют человеческий закон, греки подчиняются ему. Последнее подтверждает хрестоматийный пример о причинах, по которым Сократ отказывается от побега перед казнью, изложенных в диалоге «Критон». Для нас важно в этом примере, что греки признавали повиновение законам важным моральным принципом, позволяющим выявить несправедливость отдельных правовых актов государства. В данном случае моральный принцип восходит к Божественному праву и демонстрирует его в качестве критерия, измеряющего человеческий закон.

Подход к праву, сформировавшийся на ранних этапах истории человечества, был разрушен в Новое время. Именно тогда сложилось убеждение, что право современного государства не отражает какого-либо высшего смысла и цели в жизни. Утвердилось позитивистское понимание права как совокупности норм, изложенных властью и поддерживаемых принудительными санкциями. Цели права конечны, материальны, безличны – заставить людей действовать определённым образом. Понимаемое таким образом право не может быть связано с религией. Очевидно, что для доказательства религиозного измерения права требуется его более широкое определение. Тем более, что даже позитивистское понятие права само по себе поощряет веру в его святость. Право «требует повиновения, - пишет Г. Дж. Берман, - апеллируя не только к материальным, безличным, конечным, рациональным интересам людей, которых призывают его соблюдать, но и к их вере в истину, в справедливость, выходящие за границы общественной пользы - то есть способом, который не так-то легко подогнать под схему секуляризма и инструментализма, предлагаемую распространённой теорией» [4, с. 334]. Следовательно, право имеет и более широкое понятие, ибо оно есть «не только свод правил, но и люди, которые издают законы, выносят судебные решения, отправляют правосудие, ведут переговоры; то есть это живой процесс распределения прав и обязанностей, а следовательно, и разрешения конфликтов с целью достижения сотрудничества» [Там же, с. 14]. Но точно также и религия не только набор доктрин и обрядов. Рассматриваемая таким образом религия легко отделяется от всех сфер социальной жизни, включая и право. Однако, религия – это и «люди, проявляющие коллективный интерес к высшему смыслу и цели жизни; это общая для них интуиция в отношении трансцендентных ценностей и приверженность им» [Там же]. Иначе говоря, определение религии в плане общих прозрений и убеждений о цели и смысле жизни, о непреходящих ценностях, о предназначении человечества не позволит исключить из её сферы правовых отношений, правовых процессов и правовых ценностей. Но если это так, попытаемся вычленив общие элементы права и религии.

Американский исследователь Х. Смит называет шесть элементов религии, которые «появляются с такой регулярностью, что наводят на мысль: потребность в них коренится в самой сущности человека, в силу чего ни одна религия, обращённая ко всему человечеству, не может обходиться без них» [16, р. 90-92]. Эти элементы следующие: ритуал, традиция, авторитет, исключительность Бога, философия и тайна. Его соотечественник Р. Паунд в своём труде доказывает, что авторитет и универсальность это те черты, которые перешли к праву от религии [15]. Г. Дж. Берман, изучив работы предшественников, выделяет четыре элемента, общие для права и религии. Таковыми являются ритуал, традиция, авторитет и универсальность [4, с. 16]. «В каждом обществе, - читаем в его работе, - четыре названных элемента... символизируют попытку человека достичь истины вне себя, связывая, таким образом, правопорядок в обществе с его верой в высшую, трансцендентную реальность. Но одновременно эти же элементы придают святость правовым ценностям и, следовательно, усиливают правовые чувства людей: чувство прав и обязанностей, связанных с беспристрастным рассмотрением дела, с последовательностью применения правил, желания равенства в обращении, само чувство верности закону и соответственно – отвращение к беззаконию. Подобные чувства, являющиеся обязательной основой всякого правопорядка, не могут корениться в чисто утилитарной этике. Они нуждаются в поддержке, которую способна оказать лишь вера в высшую справедливость» [Там же].

Проанализируем названные общие элементы права и религии подробнее. И право, и религия соблюдают ритуалы. Ритуалы права – это его торжественный язык, формальности юридических процедур, доверие к присяге. Ритуалы религии легко наблюдать, участвуя в церковных службах. И право, и религия привержены к традиции как связи с прошлым и чувством постоянного движения к будущему. Религия сыграла определяющую роль в формировании российской правовой традиции, об этом пишут многие исследователи. К. В. Арановский, посвятивший свой труд конституции как государственно-правовой традиции, полагает, что последнюю можно определить как «исторически сложившийся, выраженный в устойчивых навыках нормативно-ценностный комплекс, обусловленный религиозными или светскими верованиями, мировоззрением, эмоциональными состояниями, составом потребляемой правовой информации, манерами восприятия и интерпретации явлений права и государственности» [1, с. 47]. Традиция, по его мнению, поселяется «в умы и души людей, позволяет им существовать как политически организованное, урегулированное правом общество, государство» [Там же]. Д. А. Пашенцев подчёркивает, что «в праве без традиции невозможно формирование полноценной правовой системы и сохранение её основных черт в условиях стремительно меняющегося мира и нарастающего массива правовой информации» [13, с. 169]. Среди признаков, детерминирующих правовую традицию, он называет соотношение права и морали в правосознании населения и влияние религии на развитие права. Крещение Руси, принятие христианства – факторы, оказавшие определяющее влияние на правосознание русского человека. «Мощное воздействие идеалов православия на национальное правосознание сформировало такую его черту как этикоцентричность, превалирование этических начал над правовыми. Жить честно совсем не означало для русского человека жить по закону, и в этом, несомненно, проявилось влияние православия», - заключает учёный [Там же, с. 172]. Православие в России стало фактором формирования правовой традиции, оказало воздействие на многие отрасли законодательства.

Третий общий элемент религии и права, как мы отметили, это авторитет. Апеллирование к авторитету проявляется в праве через авторитет суда, правителя, законов, в религии через авторитет Священного писания, иерархов церкви и их распоряжений. И, наконец, четвёртый общий элемент религии и права - универсальность. Универсальность, о которой пишет Г. Дж. Берман, по его собственному признанию есть термин, которым он заменил понятие исключительности Бога и благодать, которые встречаются в указанной работе Смита [4, с. 16]. Универсальность права и универсальность религии – это их самооправдание до начала применения, до опыта: «преступление должно быть наказано, ущерб от деликта должен быть возмещён, договоры должны выполняться, правительство должно соблюдать личную неприкосновенность граждан и т.д. не только по прагматическим, утилитарным или философским причинам, но по причинам религиозным, то есть из-за существования всеобъемлющей моральной реальности, цели мироздания. Таким образом право наделяется сакральностью, и без такой сакральности оно теряет силу» [Там же, с. 17].

Подводя итог изложенному, подчеркнём, что религиозное измерение права это те общие элементы, которые есть и у права, и у религии. Современное представление, согласно которому право есть инструмент осуществления политики, в конечном счёте саморазрушительно. Мы разделяем вывод о том, что рассуждая о праве «исключительно с точки зрения его эффективности, то есть не обращая достаточного внимания на религиозные аспекты права, мы тем самым лишаем его способности вершить справедливость...» [Там же]. Применяя иные методологические позиции, легко обнаружить, что право обладает не только «материей», у него есть «дух», который также реален как правоотношения и правовые институты. Право становится правом, когда реализуется в действиях человека. «Ибо право – не только свод правил, но и люди, которые издают законы, выносят судебные решения, отправляют правосудие, ведут переговоры» [9, с. 79]. Тысячи лет религия оказывает воздействие на мотивацию поступков человека, под влиянием религиозных установок складывалось его правосознание. Религия служила оправданием права, освящала его, придавала ему сакральный характер. «Религиозные верования усиливают и правовые чувства людей: чувства прав и обязанностей, чувство равенства, отрицание беззакония во всех его проявлениях», – с этим мнением трудно не согласиться [13, с. 171].

Список литературы

1. Арановский К. В. Конституция как государственно-правовая традиция и условия её изучения в российской правовой среде // Правоведение. 2002. № 1. С. 47-59.
2. Арсеньев К. К. Свобода совести и веротерпимость: сб. статей. СПб., 1905. 139 с.
3. Бердников И. С. Новое государство в его отношении к религии: к вопросу о свободе совести. Казань, 1904. 201 с.
4. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Ad Marginem, 1999. 430 с.
5. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Ad Marginem, 1998. 570 с.
6. Ветхий Завет // Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 1999. С. 5-997.
7. Дорская А. А. Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права. СПб.: Мысль, 2007. 234 с.
8. Дорская А. А. Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния. СПб.: Мысль, 2004. 176 с.
9. Дорская А. А. Церковное право в правовой системе российского общества (общетеоретический и исторический аспекты): автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2004. 40 с.
10. Кипарисов В. О свободе совести: опыт критического исследования вопроса в области церкви и государства с I по IX вв. М., 1883. Вып. 1. 276 с.
11. Книга пророка Иезекииля // Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 1999. С. 795-844.
12. Ллойд Д. Идея права. М.: ЮГОНА, 2002. 413 с.
13. Пашенцев Д. А. Роль религии в формировании российской правовой традиции // Правоведение. 2010. № 6. С. 167-173.
14. Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. М.: Прогресс, 2010. 314 с.
15. Pound R. Law and Religion // Rice Institute Pamphlet. 1940. 27 April.
16. Smith H. The Religions of Man. N. Y., 1958. 195 p.

RELIGIOUS DIMENSION OF LAW

Svetlana Nikolaevna Kumsikova, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Constitutional and Administrative Law
Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University
S.kumsikova@yandex.ru

The author considers the interaction and mutual influence of law and religion, in particular the question of legal consciousness formation under the influence of religion, substantiates methodological approaches to law understanding, which are not exceptionally related to its effectiveness, proves the hypothesis of law and religion common elements presence, the possibility of law religious dimension, and also analyzes existing historical and contemporary approaches to law and religion interaction and intersection understanding.

Key words and phrases: law; religion; law history; Orthodoxy; canon law; natural law; positive law; morality; virtue.